

Gerard Toal

Near Abroad:

Putin, the West and the Contest over
Ukraine and the Caucasus

New York: Oxford University Press, 2017

Во время экскурсии по кабинетам Кремля американский кинорежиссер Оливер Стоун обратил внимание на портрет молодого человека в морской форме. Этим суровым парнем оказался Владимир Путин — отец президента Российской Федерации, изображенный в Севастополе во времена его службы на Черноморском флоте. “Так вот почему вы отвоевали Крым!” — с иронией замечает режиссер. В ответ мы слышим многозначительный смех российского президента¹. Этот отрывок из документального фильма Стоуна мог бы стать отличной иллюстрацией для книги Джерарда Тоула “Ближнее Зарубежье: Путин, Запад и соперничество за Украину и Кавказ”. В ней автор, профессор Политехнического Университета Вирджинии (Virginia Tech), задается одним из ключевых вопросов современной международной политики: “Почему Россия вторгается в соседние государства?”

В поисках ответа Тоул предлагает читателю отказаться от привычных геополитиче-

ских конструкций, медийных клише и морализаторских догм. Они скрывают механизмы кремлевской политики, вместо того чтобы объяснить процесс принятия решений. Россией не движет “имперская ДНК” или желание уничтожить Запад. Она не уникальна в своем пренебрежении нормами международного права, когда речь заходит о национальной безопасности. А мотивация ее действий часто имеет много общего с тем, как объясняют свою политику западные государства.

Тоул настаивает на анализе действий России в контексте ее соперничества или взаимодействия со всеми участниками “постсоветского геополитического пространства”. Среди них автор выделяет: 1) внешний центр “нормативной силы” (под которым подразумеваются США и ЕС); 2) новые государства, которые находятся на этапе “национального строительства”; 3) регионы, которые формально являются их частью, но одновременно входят в “родственное” (kindred) пространство с метрополией; и 4) “внутреннее зарубежье” в самой метрополии (которым

¹ *The Putin Interviews. Vladimir Putin Gives Oliver Stone a Tour of His Offices // Showtime. YouTube. 2017. June 13th. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7dwqBVh4qel> (доступ 18.07.2017)*

для России является Северный Кавказ) (Р. 36). Их отношения невозможно понять лишь с помощью традиционных для “реалистов” аналитических инструментов, таких как баланс сил или дилемма безопасности. Смысл их действий ускользает и от тех, кто наблюдает за происходящим сквозь “идеологические очки”, в которых различимы только оттенки демократии и авторитаризма. Путь к пониманию лежит через проникновение “за кулисы” и попытку восприятия событий с позиций отдельных участников. В своей книге Тоул осуществляет эту попытку на примерах августовской войны в Грузии, военной операции в Крыму и вооруженного конфликта на Донбассе.

Каждый из этих конфликтов автор рассматривает с точки зрения “геополитической культуры”, то есть “пространственной идентичности” (spatial identity) государств. Следствием такой идентичности становится разделение государств на союзников и врагов, иерархия ценностных ориентиров, импульсы, которые побуждают к определенным решениям, и способ их последующего обоснования. Общность “геополитической культуры” проявляется в приверженности одним и тем же мифам и наполнении дискурса одинаковой эмоциональной интерпретацией. Так рождается то, что Тоул называет “аффективной геополитикой” (Р. 44). Она состоит в героическом перевоплощении циничных политических деятелей, придании их действиям высокого праведного смысла и превращении физико-географических регионов в сакральное пространство для подвигов, жертвоприношений и побед. Такую драматургию охотно используют новостные таблоиды, которые дополняют материал яркими визуальными символами, приправляют конспирологией и предлагают на всеобщее обозрение. Однако из этого не следует, что реплики участников геополитического спектакля являются всего лишь техническими заготовками. Наоборот, Тоул настаивает, что все главные персонажи часто играют самих себя, по крайней мере в собственном восприятии, и своей игрой формируют коллективные диспозиции “зрителей”. Именно поэтому их публичные нарративы заслуживают самого пристального внимания исследователей.

Территорию, на которой разворачиваются события книги, Тоул рассматривает как пространство недавнего крушения империи. Здесь продолжает клубиться дым от множества неразрешенных конфликтов и одновременно зарождается новое глобальное соперничество. Ранние постсоветские конфликты, как например Нагорно-Карабахский или Приднестровский, были вызваны внезапным распадом этнотерриториального порядка и угрозой пересмотра правил межгрупповых отношений. В отличие от этих конфликтов, войны последнего десятилетия уже значительно больше связаны со столкновением возрождающейся метрополии и нового нормативного центра притяжения для постсоветских элит. Ключевым в этом соперничестве выступает “русский вопрос”, а именно — присутствие за пределами РФ миллионов граждан других стран, которые сохраняют с Россией семейные, этнокультурные или идейные связи. Как объяснил Путин в интервью Стоуну, распад СССР стал для него трагедией как раз потому, что Россия одноmomentно лишилась миллионов своих соотечественников. Именно тут становится решающим его “геополитическое воображение”, которое ставит в один “аффективный” ряд русскоязычного украинца в Харькове, советского человека в Горловке, русского в Алчевске, абхазца в Гудауте и осетина в Цхинвали.

Стратегия восстановления российского присутствия в сопредельных с Россией государствах представляет собой нечто существенно иное, чем политика территориальной экспансии. По мнению Тоула, ее следует рассматривать как проявление “реваншистской повестки”, под которой автор подразумевает эмоциональное стремление Путина восстановить былое величие России. Ее активизация совпала с усилением ориентации на западный центр силы среди части элит и общества в некоторых постсоветских республиках. Возобновление конфликтов в Грузии, а затем в Украине как раз и стало результатом столкновения двух символических подходов — культурного традиционализма, исходящего из Москвы, и неолиберальной модернизации, продвигаемой Западом. Олицетворением первого стали “русская весна” и война

за “Новороссию”. Олицетворением второго — грузинский президент Михаил Саакашвили и украинский Евромайдан. При этом, по меткому наблюдению Тоула, противоборствующие стороны используют сходный набор нормативных идиом. Выступая в роли “спасителей” и “защитников” слабых и родственных групп, каждая из сторон преподносит своих оппонентов как “агрессоров” и “карателей”, представляющих “угрозу мировому порядку”. Освещение в СМИ превращает эти образы в мемы, однако они не всегда инструментальны; иногда они могут соответствовать самооценке сторон.

Подробный анализ официального нарратива позволяет убедиться в однообразии риторического арсенала мировых лидеров и ограниченном наборе аксиологических приемов, которыми они владеют. После событий и в Южной Осетии, и в Крыму мы слышим одинаковые обвинения в адрес “преступной власти” в Тбилиси и Киеве, акцент на “исторической роли” России в регионе, ссылки на “косовский прецедент” и “право народов на самоопределение”. Перекликаются и выступления Саакашвили и Порошенко, которые подчеркивают свой статус жертвы, неравенство сил и угрозу мировой безопасности, требующие немедленного вмешательства Запада. Сходным образом реагируют Джордж Буш и Барак Обама, которые осуждают “российскую агрессию” против “слабых соседей” и одновременно уклоняются от более решительного участия в конфликте. Тоул объясняет такое сходство рамками “геополитической культуры” — она и определяет набор приоритетных символов и знаков, которые вызывают наибольший резонанс у других ее носителей. В действительности же за всей этой “аффективной геополитикой”, считает Тоул, скрываются “грязные маленькие войны конкурирующих реваншистов” (Р. 197).

Книга Тоула демонстрирует редкую для современных академических работ скрупулезность в исследовании позиций всех сторон конфликта. Однако сопоставление официальных нарративов наталкивается на неизбежный вопрос о степени их ценности для понимания действий государственных лидеров. Наверное, Путин и Медведев действительно

могли серьезно рассматривать вероятность того, что в Южной Осетии имел место геноцид. Однако вряд ли бы они отказались от военного вмешательства даже в том случае, если бы вероятность массовых убийств осетин равнялась нулю. Возможно, Путин действительно верил, что за Евромайданом стоят американские спецслужбы, а его движущей силой были вооруженные украинские нацисты. Однако сложно представить, что без появления там западных политиков, песен про москалей и коктейлей Молотова Путин не отдал бы приказ захватить Крым. И как объяснить нежелание российского президента открыто (а не тайно) вступить за сепаратистов на Донбассе, с которыми начали воевать не только вооруженные праворадикалы, но и регулярная украинская армия?

Тоул пишет, что понимать Путина не означает оправдывать. И все же прямая речь президента скорее создает словесную завесу, которая уводит нас от понимания источников его действий. Наиболее очевидным это становится в анализе кризиса в Украине, который, по словам Тоула, создал “аффективную волну”, накрывшую как российского лидера, так и рядовых граждан. Он приводит слова Путина, что решение о включении Крыма в состав РФ было принято только после опроса, в котором две трети жителей полуострова поддержали присоединение к России (Р. 222). Если принимать слова президента всерьез, то норма “самоопределения” и мнение большинства для него являются решающими. А геополитические интересы, как например судьба российской военно-морской базы в Севастополе, отходят на второй план. Однако и молниеносный способ проведения крымского референдума, и препятствия, которые российские власти создают для волеизъявления собственных граждан, и последующая милитаризация полуострова свидетельствуют об обратном. В книге, которая обещает читателю критику “геополитического дискурса”, не хватает именно критической оценки заявлений политических лидеров с характерными для них “альтернативными фактами”. Ведь обстоятельства и частота их использования являются не менее значимыми.

Более четко “ревизионистский имаджина-

риум” Путина проступает в проектировании борьбы за Новороссию. Тоул утверждает, что еще с 2008 года российские власти рассматривали возможность поощрения “сепаратизма” для получения рычага давления на излишне прозападный Киев. В то же время проект Новороссии соответствовал и консервативно-православным мифологемам, которые отсылают к дореволюционному прошлому и становятся идейным подспорьем президенту в третьем сроке. Означает ли это, что весной 2014 года Путин уверовал в Новороссию как в новое священное дело России, или же, исходя из более прозаических целей, лишь подыгрывал тем, кто верил в нее раньше, и таким образом укреплял консервативно-охранительные настроения в обществе? Тоул склоняется к последнему. Но тогда в каких случаях действия Путина обусловлены его эмоциональной реакцией, а когда он просто следует рациональному расчету? Переплетение первого и второго снижает аналитическую ясность предлагаемого автором объяснения.

Донбасс в книге Тоула становится ярким примером того, что автор называет “густой геополитикой” (Р. 279). В ней интересы мировых игроков смешиваются с амбициями одиноких фанатиков, страхами олигархов, предательством правоохранителей и идейным задором местных активистов, а географическое пространство приобретает множество измерений. Конфликт вспыхивает в результате действий и противодействий каждого из них, а не по одной лишь воле российского руководства. И именно их общими усилиями Донбасс за несколько месяцев превращается из европейской периферии в эпицентр нового противостояния на континенте. В то же время Тоул использует некоторые клише, характерные для работ, которые сам же критикует. Например, повстанцев на Донбассе он называет “маргинализированными русскими националистическими группами” — придавая, таким образом, этнический оттенок противостоянию (Р. 253). Однако, конфликт имел в первую очередь гражданский характер, что признают даже те исследователи, которые не видят в нем признаков гражданской войны². Кроме того, Тоул считает, что успеш-

ные захваты городов на Донбассе стали следствием проигрыша локальных элит в борьбе за власть. Между тем городские власти часто выступали прямыми соучастниками и даже организаторами сепаратистского движения, а местные правоохранители надевали георгиевские ленточки и становились на блокпосты³. В целом механика процесса, в ходе которого весной 2014 года Украина потеряла суверенный контроль над отдельными населёнными пунктами Донбасса, остается одним из главных “белых пятен” в исследованиях конфликта (*Подробнее о причинах и динамике конфликта на востоке Украины см. статью С. Кудели “Донбасский разлом” в Контрапункте, №1, 2015 — Прим. ред.*)

Важной составляющей книги является демонстрация того, как новые “геополитические условия” определяют коллективное воображение о возможном. Приведенные Тоулом результаты опросов общественного мнения в Крыму и шести областях юго-востока Украины в декабре 2014 года указывают на огромную дистанцию, которая образовалась между этническими украинцами, живущими по разные стороны Перекопского перешейка. Среди украинцев юго-востока менее 10% видят в идее Новороссии потенциал для сепаратизма, а большинство рассматривает ее как миф или политическую технологию. В то же время более половины украинцев в Крыму рассматривают Новороссию как возможную платформу для отделения юго-восточных областей от Украины и относятся к ней как к историческому факту. Даже если учесть погрешность, связанную со страхом респондентов, уклоняющихся от честного ответа, мы наблюдаем значительные различия в характере представлений между украинцами, живущими в соседних регионах, но в разных геополитических пространствах.

Таким образом, Грузия и Украина, оставаясь “ближним зарубежьем” России географически, в своей “геополитической культуре” стремятся к западному миру. Две трети ре-

but not Civil War // Europe-Asia Studies. Vol. 68, No. 4. P. 631–652.

3 KUDELIA S. *Patterns of Insurgent Recruitment and Collaboration in the Armed Conflict in Donbas // Paper presented at Midwest Political Science Association Annual Conference, Chicago, IL. 2017, April 6–9.*

2 WILSON A. *The Donbas in 2014: Explaining Civil Conflict Perhaps,*

спондентов в этих странах считают, что близкое сотрудничество с США и странами Запада соответствует их национальным интересам⁴.

Лишь 22% украинцев, согласно этому же опросу, согласны, что “сильная Россия необходима как противовес западному влиянию”. И всего 17% респондентов в Украине испытывают теплые чувства по отношению к российскому государству — меньше даже, чем в США, где позитивное отношение к России разделяют 28% опрошенных⁵. Следуя центральному тезису Тоула, именно такие изменения в коллективных эмоциональных установках, а не военное сотрудничество с НАТО или поставки американского оружия могут стать главным сдерживающим фактором для России в будущем. Имаджинариум президента Путина теряет свою силу, если оказывается не способен вызывать “аффективную” солидарность за пределами России.

Сергей Куделя

---

4 Опрос проводился Международным Республиканским Институтом во всех регионах Украины кроме Крыма и неподконтрольной части Донецкой и Луганской областей 20 апреля — 4 мая 2017 года. См. *Public Opinion Survey of Residents of Ukraine. April 21 — May 5, 2017* // International Republican Institute. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/2017-may-survey-of-residents-of-ukraine_en.pdf (доступ 17.07.2017); Опрос в США проводился исследовательским центром Gallup 1–5 февраля 2017 года. См. URL: <http://www.gallup.com/poll/1642/russia.aspx> (доступ 20.07.2017).